

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7
EDN: NICCCN

Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса

Ссылка для цитирования: Ярмак О. В., Бакулин А. В., Бакулин Д. В. Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 114–135. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7; EDN: NICCCN

For citation: Yarmak O. V., Bakulin A. V., Bakulin D. V. The phenomenon of network-centrism in conditions of modern cognitive opposition: on the example of the analysis of the Kherson case. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 114–135. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7; EDN: NICCCN

AuthorID РИНЦ: 862892

Ярмак Ольга Валерьевна¹

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

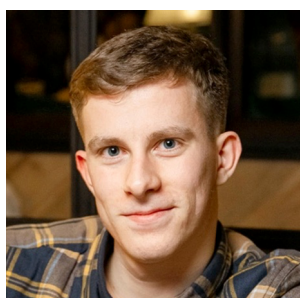
olga_yarmak@inbox.ru

Бакулин Александр Викторович¹

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

bakulin-sanya2014@ya.ru

Бакулин Дмитрий Викторович¹

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

dmitrybaku@ya.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается новый социальный феномен сетецентризма и его проявления в условиях современного геополитического противостояния на примере анализа Херсонского информационного пространства. Данная исследовательская тематика в настоящее время имеет особую актуальность по причине внедрения новых инструментов сетевой войны в физической, информационной, когнитивной и социальной сферах жизни посредством функционирования центров информационного воздействия в постконфликтных обществах.

Сетецентризм в условиях когнитивного противостояния трактуется авторами как совершенно новый социальный и цивилизационный феномен. В этом смысле сетецентрические операции, осуществляемые специальными службами западных государств или же ТНК, могут рассматриваться как некий постмодернистский аналог колонизации и подчинения, разворачивающийся в новых условиях, в новых форматах и с использованием новых коммуникативных технологий. Основная особенность стратегии сетевых войн с использованием сетецентрических механизмов состоит в достижении поражающего воздействия во всех сферах общества, включая его цивилизационные основания. При этом используются не силовые механизмы влияния, а широкая совокупность факторов – от цивилизационных и информационных до социальных и когнитивных.

Анализ сетецентрических операций осуществляется авторами через призму классических концепций сетевых обществ, теории «управляемого хаоса», а также с учетом прикладных отечественных (доктрина Н. В. Огаркова) и зарубежных разработок (концепция сетецентрических войн А. Себровски, Дж. Гарстка и Дж. Джонсона).

Замысел данного исследования состоял в анализе сетевых конструкций контент-единиц информационного поля Херсонской области, которые формируют военный, кризисный и посткризисный дискурсы.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о наличии двух центров информационного воздействия, которые используют сетецентрические механизмы работы в когнитивном поле. Кроме того, анализ работы сетевых информационных центров показал, что сегодня сегмент социальных медиа, в первую очередь сегмент Telegram, является пространством активного сетецентрического воздействия на массовое сознание конфликтного общества. Это создает экспериментальную площадку для апробирования новых инструментов когнитивного противостояния и формирует интернет-аудиторию, не подверженную непосредственному информационному воздействию и проявлениям сетецентризма в социуме.

Ключевые слова: сетевая информационная война, сетецентризм, Украина, Россия, Херсонская область

Введение

Сегодняшнее геополитическое противостояние сформировало возможности для создания новых медиатехнологий, используемых не столько в политической, сколько собственно в социальной сфере, с целью воздействия на общественное сознание и управления массовым поведением. Надо отметить, что лидерство в разработках новейших технологий когнитивной и информационной войн имеют западные, в первую очередь американские, социально-политические технологи. Однако в настоящее время сформировалось две тенденции. Первая состоит в том, что далеко не все когнитивные технологии западного производства приме-

нимы к славянской ментальности, вторая – происходит накопление опыта использования российскими исследователями и практиками когнитивных приемов и методик.

Функционирование центров информационно-психологического воздействия в период когнитивного противостояния, особенно с учетом функционирования глобальных коммуникаций и масс-медиа, является чрезвычайно актуальной проблемой. В связи с этим возникает новый спектр проблематики, связанный с вопросами информационного воздействия и нарушения информационной безопасности. Современный человек ежедневно обрабатывает сотни тысяч единиц информационного контента, что и делает интернет-коммуникации фактором информационного воздействия на массовое сознание, затрагивающего все сферы жизнедеятельности человека. С появлением коммуникативных сетей мировые международные и политические игроки получили возможность достигать новые цели – покорять противника без применения оружия [12]. Для их достижения используются различные инструменты – от угроз до односторонней подачи информации и активного распространения фейкового контента.

Использование новых форм информационного воздействия с набором новейших инструментов наблюдается в украинском кейсе начиная с 2013 г. – с наступлением на Украине политического кризиса, событий Русской весны, воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Россией, противостояния в юго-восточных украинских регионах. Остроту ситуации придает проводимая специальная военная операция на Украине.

Теоретико-методологические основы исследования

Классические теории сетевых обществ (Д. Белл, Ж. Бодрийяр, М. Кастельс, Э. Гидденс, Г. Тард) указывали на то, что в новом типе обществ информация и создаваемые политико-коммуникативные сети играют ключевую роль [2; 3; 12; 9]. Особенности сетевых обществ, созданных при помощи интернет-сетей и производства больших массивов данных, являются как переизбыток, так и всеобщая открытость информации.

Впервые к проблеме информационного воздействия на массовое сознание обратился социолог Г. Тард, который обозначил, что любые идеи могут распространяться в обществе молниеносно [9]. У. Липпман утверждал, что СМИ, формируя повестку дня, навязывают массовому обществу информацию, о которой необходимо думать в данный момент времени, а то, что не освещается в масс-медиа, обществом игнорируется [6]. Вдохновившись теорией Липпмана, исследователи Э. Кац и П. Лазарсфельд в своей работе «Личное влияние: роль, которую играют люди в потоке массовых коммуникаций» развили свою «теорию ломов», где уже не масс-медиа оказывают массовое информационное воздействие, а авторитетные личности, которые впоследствии становятся акторами политико-коммуникационных сетей и субъектами формирования информационной повестки и дискурсов [4].

В условиях обострившегося геополитического противостояния началось активное внедрение новых инструментов ведения информационной войны. Суть данного нового социального феномена находится в онто-

логической плоскости: «to network» означает «охватить сетью», «внедрить сеть», «подключить к сети». Соответственно, основной смысл сетевого информационного противостояния заключается в том, что создаются сети, где не только обмениваются информацией, но и распределяют доступ к ней. Можно констатировать, что информационные войны как конфликты постмодерна не только приобретают сетевой характер, но и становятся гибридной разновидностью сетевых процессов.

Сетецентризм в условиях когнитивного противостояния

В этом ракурсе важно понимание значения сетецентризма как совершенно нового социального и цивилизационного феномена. Сетецентрические операции выступают постмодернистским аналогом колонизации и подчинения, осуществляемым в новых условиях, в новых форматах и с использованием новых коммуникативных технологий. Сеть становится более гибким оружием, она использует непосредственно силовые механизмы влияния только в крайних случаях, а базируется на широкой совокупности факторов – от цивилизационных и информационных до социальных и когнитивных. Считается, что в основе сетецентрических операций лежат теория «управляемого хаоса» [8; 5] и технологии управления хаосом, которые и являются инструментом сетецентризма.

Первыми о грядущих информационных, сетевых войнах встречаются в работе маршала Советского Союза Н. В. Огаркова¹ [7], а спустя тридцать лет – в концепциях вооруженных сил США 2010² и 2020³ гг. Один из авторов концепции сетецентрических войн, американский автор Дж. Джонсон считает, что «информационное превосходство в сочетании с сетевой, распыленной атакующей боевой мощью создаст хорошо продуманные и точные действия на раннем этапе, что приведет к чрезвычайно высоким темпам изменения. Это то, что мы называем скоростью командования. Это то, что мы называем сетецентричной войной» [13].

Сетецентризм, применяемый в сфере информационных войн, основывается на трех принципах: 1) силы, объединенные достаточно надежными сетями, получают возможность качественно нового обмена информацией; 2) обмен информацией повышает качество информации и уровень общей информированности о происходящем; 3) в результате общая ситуационная осведомленность такова, что позволяет обеспечивать необходимые сотрудничество и самосинхронизацию, повышает устойчивость и скорость передачи команд, что, в свою очередь, резко повышает эффективность выполнения боевой задачи [14]. На каждом из этапов сетецентрического воздействия происходит достижение информационного

¹ Доктрина Огаркова в прошлом и настоящем. 20 декабря 2019. URL: <https://topwar.ru/165683-doktrina-ogarkova-v-proshlom-i-nastojaschem.html?ysclid=lgasfz8ld583757200> (дата обращения: 20.04.2023).

² Joint Vision 2010. URL: <https://www.usni.org/sites/default/files/inline-files/JV2010.PDF> (дата обращения: 20.04.2023).

³ America's Military – Preparing for Tomorrow. Joint Vision 2020. URL: <https://www.offiziere.ch/wp-content/uploads/1225.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

превосходства. То есть сетецентризм ориентирован на достижение информационно-коммуникационного превосходства с объединением участников боевых действий в единую сеть.

Основная особенность стратегии сетевых войн с использованием сетецентрических механизмов состоит в достижении поражающего воздействия во всех сферах общества, включая его цивилизационные основания. Необходимо отметить, что цивилизационные основания авторы рассматривают в понимании С. Хантингтона и его концепции «столкновения цивилизаций» и «цивилизационных разломов». По его мнению, цивилизация является наивысшей культурной общностью людей и обладает самым широким уровнем культурной идентификации; цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей [10]. Именно разрушение этих черт цивилизации деформирует цивилизационные основания социальных систем.

Для подобной деструктивной трансформации используются DIMET-операции, охватывающие сферу дипломатии, информационных операций, вооруженных сил, экономику и технологии [1]. Механизм сетецентрических операций реализуется посредством принципа трансграничного давления, главной целью которого является разрушение всех ключевых взаимосвязей социального объекта и создание деструктивных моделей. Деструктивные сети генерируют хаотические процессы, создают инвайронментальные и экзистенциальные риски, разрушают цивилизационные основы социальной системы. Вследствие их работы происходят потеря эффективности управления, утрата контроля над всеми элементами системы и разрушение территориальной целостности, смена режима и установление «марионеточной» власти. Последствия сетецентрического воздействия на общество, с нашей точки зрения, можно разделить на 1) экономические (появление неконтролируемой коррупции, теневого финансового рынка, утрата полноценного контроля над национальной кредитно-финансовой и инвестиционной системами); 2) аномические, которые создают ситуации дестабилизации, терроризма и насилия (передел собственности и формирование новых финансовых и политических элит, незаконный оборот оружия, террористические акты, рост преступности и насилия); 3) институциональные, затрагивающие цивилизационные основания и социальные институты общества (в том числе институты образования, науки, здравоохранения, семьи, цифрового и технологического суверенитетов государства).

Сущность сетецентрического противостояния состоит в том, что оно ведется всегда – и в военный, и в кризисный периоды, и в мирное время в отношении всех без исключения (противников, нейтральных или дружественных акторов). На эту характеристику сетецентризма указывает российский социальный мыслитель А. Г. Дугин, который считает основной его задачей – «установление контроля над всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях – и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир»¹. В основе этого подхода лежит осу-

¹ Доклад Изборскому клубу А. Дугина при участии В. Коровина и А. Бовдунова. Александр Дугин. 4 декабря 2013. URL: <https://izborsk-club.ru/2318> (дата обращения: 20.04.2023).

ществление «операций базовых эффектов», цель которых состоит в тотальном контроле над всеми акторами коммуникативному пространству, которыми является как отдельный индивид, так и социальные группы (сформированные внутри и благодаря коммуникативного пространства) и социальные системы в целом. Конфликты в современных обществах (обществах постмодерна) протекают в физической, информационной (охватывающей коммуникативное пространство жизнедеятельности человека), когнитивной (затрагивающей трансформации сознания человека, его ценностных ориентиров, смыслов, установок, исторической памяти) и социальной сферах. При этом системный эффект от конфликта достигается за счет однонаправленного действия на все четыре элемента сети. Основным результатом сетецентрических операций в информационной области является информационное превосходство, под которым понимается достижение единого сетевого центра создания, распространения и управления информационными потоками. Однако, с нашей точки зрения, в современном информационном пространстве этого недостаточно; сейчас наблюдается стремление достигнуть когнитивного превосходства, ориентированного на управление информацией с формированием необходимых треков медиаповестки, утраты способности к анализу и поиску альтернативных мнений, что в конечном итоге приводит к тотальному когнитивному контролю.

Описание исследовательской проблемы

Вхождение новых регионов в состав Российской Федерации с 4 октября прошлого года обозначило новый виток сетевой информационной войны с применением сетецентрических операций в когнитивной сфере. Здесь необходимо отметить, что внешний фактор в информационном поле в этих регионах присутствовал и до референдума о воссоединении с Россией. Это связано с тем, что, во-первых, данные регионы были исторически и цивилизационно связаны с Россией, имели с ней прочные социокультурные связи, ментальные и когнитивные привязанности к Русскому миру¹, что создавало ряд проблем для действующей украинской власти. Во-вторых, данные регионы являлись и являются сейчас пересечением геополитических и экономических интересов России и Запада, что формировало противоречивость их экономического пространства. В-третьих, результатом активной работы центров информационно-психологических операций еще с 2004 г. стало распространение русофобии, антироссийского и антирусского дискурсов с переформатированием цивилизационных объединяющих основ, исторической коллективной памяти и ценностно-смыслового поля именно в пророссийских регионах Украины.

После воссоединения с Россией новые регионы столкнулись с интенсивным применением сетецентрических операций в информационном поле со стороны центров, управляемых украинской стороной и действующих в тесном контакте со спецслужбами США и других государств НАТО.

¹ Украина. Парламентские выборы 2012. URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-parlamentskie-vybory-2012.html> (дата обращения: 20.04.2023).

Основным направлением их работы является управление информационными потоками с целью не только создания у населения антироссийских установок, но и образования новых дискурс-направлений. Последние, являясь продуманными действиями, направлены на внушение мысли, что безопасное существование людей в новых регионах будет возможным только в составе Украины, а риски – от физических до ментальных – создаются и распространяются российской властью и ее представителями. Это может формировать когнитивное противоречие в сознании жителей новых российских регионов (особенно Запорожской и Херсонской областей, которые не испытали на себе всех прелестей т. н. АТО), что и обозначило исследовательскую проблему.

Методы исследования

В ходе авторского исследования был осуществлен анализ контента херсонского интернет-сегмента в период с 1 сентября по 10 ноября 2022 г., то есть в преферендумный период, во время его проведения и постферендумный период. Общая выборка составила 46 748 сообщений из социальных сетей ВКонтакте, Telegram и Facebook¹, контент которых непосредственно связан с событиями в Херсонской области в обозначенный период. Из них большая часть – 81% (38 238 сообщений) – из сети Telegram, 15% (7072 сообщения) – Facebook и только 3% (1438 сообщений) исследуемой тематики находится в сети ВКонтакте (см. рис. 1). Для анализа были выбраны наиболее многочисленные группы указанных социальных сетей с количеством подписчиков более 1000 чел. В социальной сети Facebook было проанализировано 26 сообществ, в ВКонтакте – 9 групп, наибольшее количество – 40 каналов – было выявлено в Telegram. Данные сообщества были выбраны не только по количественному принципу, но и по контентному: в них содержалась информация о событиях, происходящих в Херсонской области.

Рис. 1. Доля выгруженного контента из социальных сетей, %
Figure 1. Share of uploaded content from social networks, in %

¹ Принадлежит компании Meta – запрещенной в России.

Для систематизации выгруженной информации полученный массив данных необходимо было структурировать, для чего был разработан классификатор сообщений (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Классификатор для систематизации выгруженного контента из социальных сетей
Classifier for systematising downloaded social networks content

Код	Категория	Подкатегория	Код
А	Социальные	Образование	1
		Медицина	2
		Гуманитарная помощь	3
		Льготы и пособия	4
В	Социально-культурные	СВО	1
		Гражданские мероприятия	2
С	Политические	Органы власти, личности	1
		Внешняя политика	2
		Референдум	3
		Гражданство	4
D	Военные	Обмен	1
		Обстрел	2
		Теракт	3
		Фронт	4
		Погибшие	5
		Мятеж	6
		Мобилизация	7
		Разминирование	8
Е	Экономические	Восстановление территорий	1
		Цены	2
		Таможенный контроль	3
		Энергоресурсы	4
		Валюта	5
F	Городские	F	
G	Другое	G	
H	Мусор	H	
I	Фейки	I	

Разработанный авторский классификатор содержал 9 категорий, каждой из них был присвоен свой код (от А до I), и она включала подкатегории. Так, категория «социальные» содержала подкатегории, относящиеся к социальной сфере жизнедеятельности людей – образованию, медицине, гуманитарной помощи, выплате льгот и пособий. Социально-культурный

кластер классификатора включал подкатегории социальной и культурной сферы жизни региона: гражданские мероприятия (концерты, праздники, митинги и т. д.), мероприятия в поддержку проведения СВО, участия добровольцев и т. д.

Категория «политические» – это все то, что относится к политической жизни региона (проведение референдума, трансформация органов власти, появление новых политических лиц, их выступления, обращения и т. д.). Внешняя политика (обращения зарубежных политиков, заявления на саммитах, санкции) составила отдельное политическое направление. К политическому кластеру было отнесено «получение гражданства» (это сообщения о процедуре получения гражданства РФ, необходимых документах и т. д.) в связи с тем, что смена гражданства в данном случае – это не только социальное и правовое действие, а следствие политических событий и составляющая интеграционного процесса.

Категория «военные» – это собственно военная тематика – от обстрелов и терактов до фронтового дискурса (обмены, фронтовые сводки, погибшие, мобилизация, разминирование территорий). Экономический кластер контента содержит подкатегории, относящиеся не к экономике в классическом понимании, а скорее к экономическому выживанию в кризисный период (восстановление территорий, динамика цен, таможенный контроль, получение энергоресурсов, смена валюты).

Категория «городские» содержит сообщения о трансформации инфраструктуры городов (ремонт энергосетей, дорожного полотна, восстановление зеленых зон и посадка деревьев и т. д.). Категория «фейки» составили сообщения, их разоблачающие. «Мусор» – это сообщения об услугах, рекламе, поиске работы и прочем, что отсекалось из выборки для максимального достижения ее контентной чистоты.

После чистки выгруженного контента релевантные сообщения составили 25 164 единицы, или 54% от исходного выявленного материала. «Немусорная», вычищенная доля контента из сети Facebook составила 77%, сети ВКонтакте – 71%, Telegram – 49% (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Количество выгруженного, нерелевантного и релевантного контента, ед.

Number of downloaded, irrelevant and relevant content, in units

Социальные сети	Количество выгруженных сообщений	Количество нерелевантных сообщений	Количество релевантных сообщений
Facebook	7072	1603	5469
ВКонтакте	1438	418	1020
Telegram	38 238	19 563	18 675
Итого	46 748	21 584	25 164

Считаем, что высокая доля нерелевантных сообщений в Telegram свидетельствует о преобладании широкой новостной повестки. Наибольшее количество полученного контента (каналов и постов) из этой сети свидетельствует о ее представленности в интернет-пространстве Херсонского региона. Низкая представленность анализируемой тематики в социальной сети ВКонтакте, с нашей точки зрения, является следствием ее политического запрета на Украине, что сформировало отсутствие привычки обращаться к этой сети.

В исследовании была осуществлена попытка не только анализа контента на коммуникативных площадках, но понимание субъектов информационного поля, его сетевой структуры, сетей распространения информации. Одной из задач проводимого анализа информационных потоков являлось обнаружение ретрансляторов, каналов распространения информационных вбросов и источников информации, что способствовало выявлению центров информационного воздействия в Херсонском интернет-сегменте.

Этапы исследования включали в себя ряд шагов: на первом – реализовался алгоритм сбора данных из социальных сетей; на втором – осуществлялась предобработка неструктурированных данных, их сортировка; на третьем – анализ ретрансляторов и контента; на четвертом – выполнение визуализации проанализированных данных.

Результаты исследования

Тематика интернет-сообщений Херсонского интернет-сегмента за исследуемый период отмечалась высоким разнообразием, что свидетельствует как о тектонических изменениях в жизни херсонцев, так и о повышенном внутреннем и внешнем интересе к событиям в Херсонской области. Военная тематика, конечно, является наиболее значимой в контентном поле Херсонского интернет-пространства. В первую очередь это тематика обстрелов, максимально представленная в сети Telegram (61%). На втором месте пользовательского интереса интернет-аудитории находятся ситуация на фронте, на третьем месте – тема референдума (в большей степени освещенная в ВКонтакте) (см. рис. 2).

Facebook Telegram VK

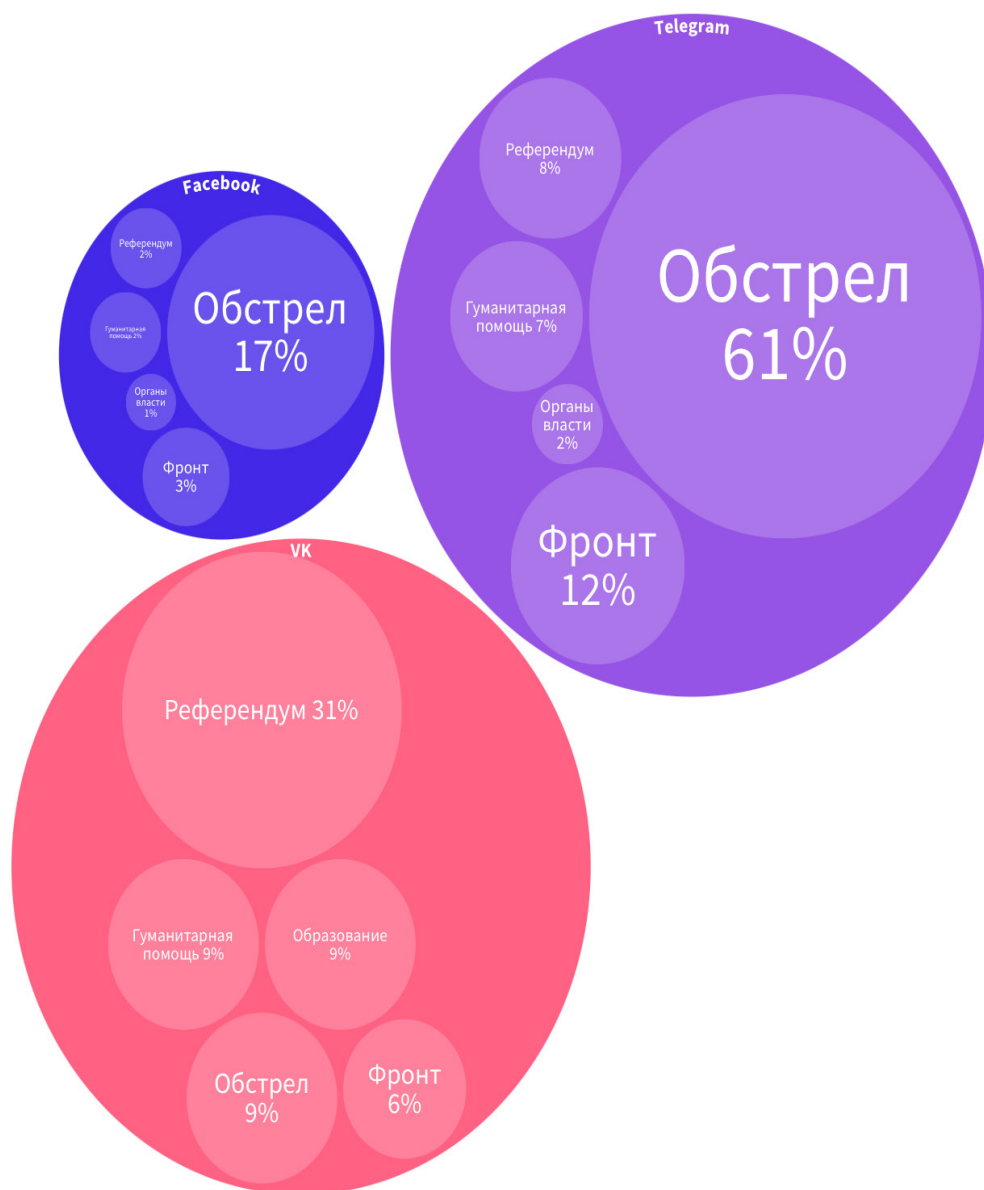

Рис. 2. Топ-5 тематических кластеров в социальных сетях

Figure 2. Top 5 thematic clusters in social networks

Сетевая конструкция контент-единицы «обстрел». Первое, что необходимо отметить, образ обстрелов имеет двоякое толкование в российском и украинском сегментах сети. В российском дискурсе – находится в «спасительной и освободительной» повестках (осуществление только по военным объектам); в украинском (представлена только в Facebook) – выступает средством от «захватчиков», с упоминанием украинской стороны при обсуждении обстрелов гражданских объектов и территории в целом. С обстрелами оказался связан кластер «гуманитарной помощи», формируемый инфор-

мацией о том, что украинская сторона конфликта снабжает «оккупированные» территории необходимыми медикаментами, нужда в которых появляется вследствие обстрелов российской стороной (см. рис. 3).

Рис. 3. Сетевая конструкция контент-единицы «обстрел» в Facebook

Figure 3. Network structure of the content unit "shelling" in Facebook

Семантика «обстрела» в Telegram выглядит иначе. Здесь упоминается о перехвате российскими военными украинских ракет, о нанесении ракетных ударов по энергетической инфраструктуре Украины, о представлении киевского режима как террористического (см. рис. 4).

Рис. 4. Сетевая конструкция контент-единицы «обстрел» в Telegram

Figure 4. Network structure of the content unit "shelling" in Telegram

В социальной сети ВКонтакте формируемый образ контент-единицы «обстрел» является антиподом образу, формируемому в Facebook. Здесь присутствуют информационные треки о террористической направленности официального Киева, военные формирования которого обстреливают гражданскую инфраструктуру признаваемых им регионов, в результате чего гибнут мирные люди (см. рис. 5).

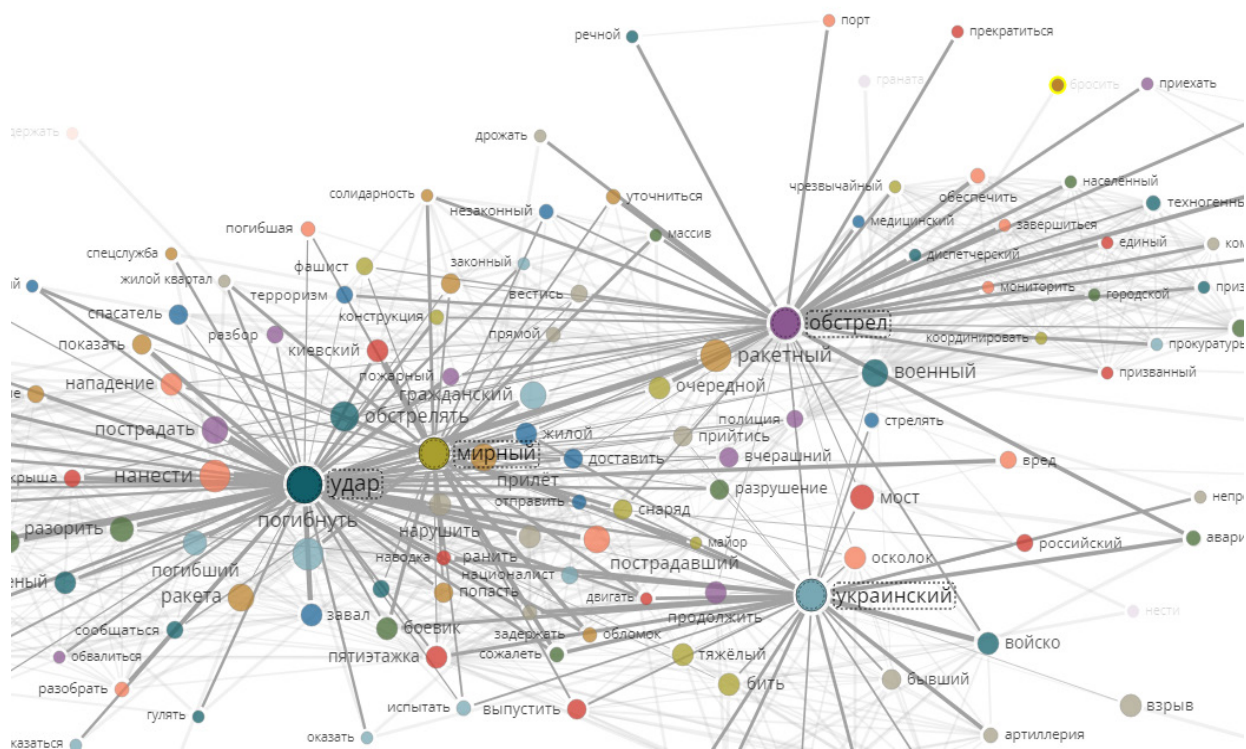

Рис. 5. Сетевая конструкция контент-единицы «обстрел» в ВКонтакте
 Figure 5. Network structure of the content unit “shelling” in VKontakte

Сетевая конструкция контент-единицы «фронт» формируется обоими сторонами – и Украиной, и Россией. В украинской повестке фронт представлен такими трендами: 1) создание позитивного образа украинского контрнаступления; 2) деморализация российских военных; 3) «освобождение захваченных агрессором» украинских территорий (в украинском дискурсе присутствует именно категория «территория», не «люди», «украинцы» и т. д.); 4) ожидание жителей Херсона «избавления от оккупантов»; 5) оказание помощи жителям «оккупированных территорий» (см. рис. 6).

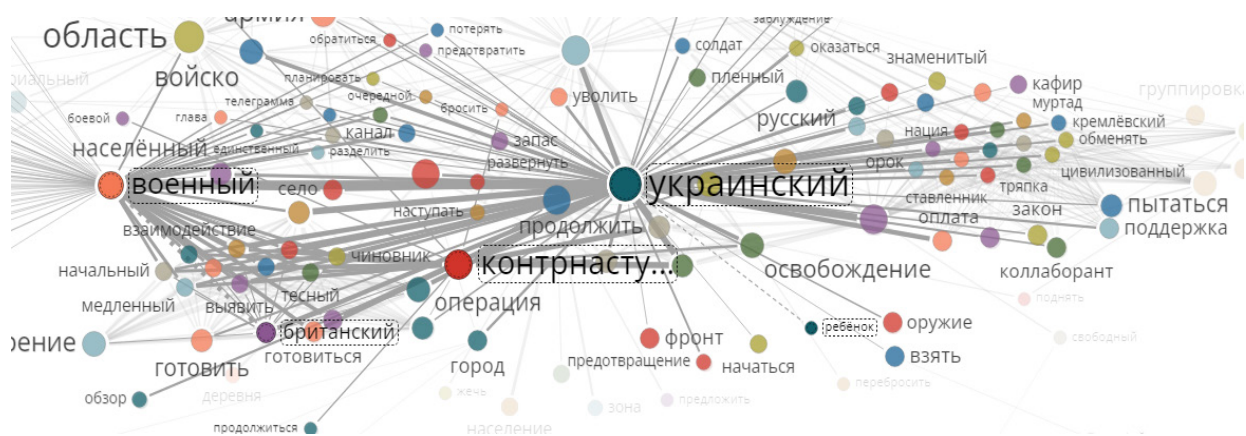

Рис. 6. Сетевая конструкция контент-единицы «фронт» в Facebook¹
 Figure 6. Network structure of the content unit “front” in Facebook

¹ Принадлежит компании Meta – запрещенной в России.

Сетевая конструкция контент-единицы «референдум» строилась совершенно спонтанно как в российской, так и в украинской информационной повестке. В украинском пространстве социальных медиа (в Facebook) повестка референдума в Херсонской области формировалась аналогично создаваемому официальным Киевом дискурсу референдума по воссоединению Республики Крым и города Севастополя с Россией [12]. Происходило это с использованием таких сетецентрических инструментов информационного поля, как 1) отрицание факта события; 2) его «очернение» и делегитимизация в широком смысле слова – от правового до когнитивного («насильственное присоединение украинской территории к РФ», «жители Херсонской области ждут, когда ВСУ освободят их от оккупации»); 3) формирование рискогенного семантического поля («жизнь жителей Херсона в оккупации» представлена только в негативном ключе, она есть и будет небезопасной в физическом, ресурсном, информационном отношениях) (см. рис. 9).

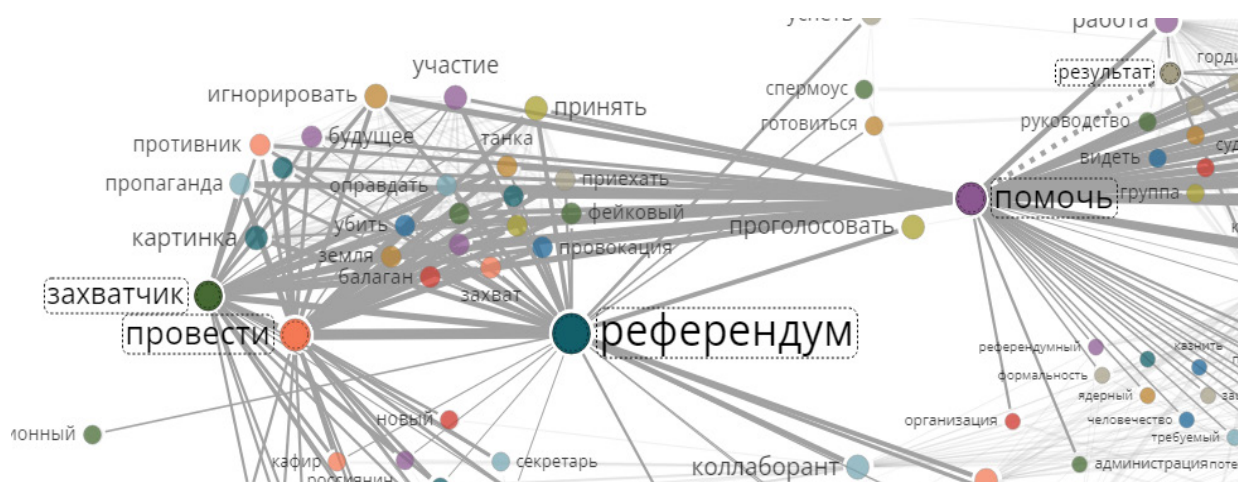

Рис. 9. Сетевая конструкция контент-единицы «референдум» в Facebook

Figure 9. Network structure of the content unit "referendum" in Facebook

В ВКонтakte и Telegram сформирована пророссийская повестка проведенного референдума с такими информационными треками: 1) срыв референдума украинской стороной («киевский режим хочет сорвать референдум»); 2) поддержка референдума жителями Херсонской области («жители Херсона активно идут голосовать», «открыты участки для голосования», «херсонцы хотят быть с Россией»), 3) содействие федерального центра («российские регионы готовы оказывать помощь в проведении референдума», «обращение Херсонской администрации к Президенту РФ В. В. Путину о желании войти в состав РФ»), 4) освещение деятельности украинских провокаторов, целью которых является срыв референдума (рис. 10, 11).

Рис. 10. Сетевая конструкция контент-единицы «референдум» в Telegram
 Figure 10. Network structure of the content unit "referendum" in Telegram

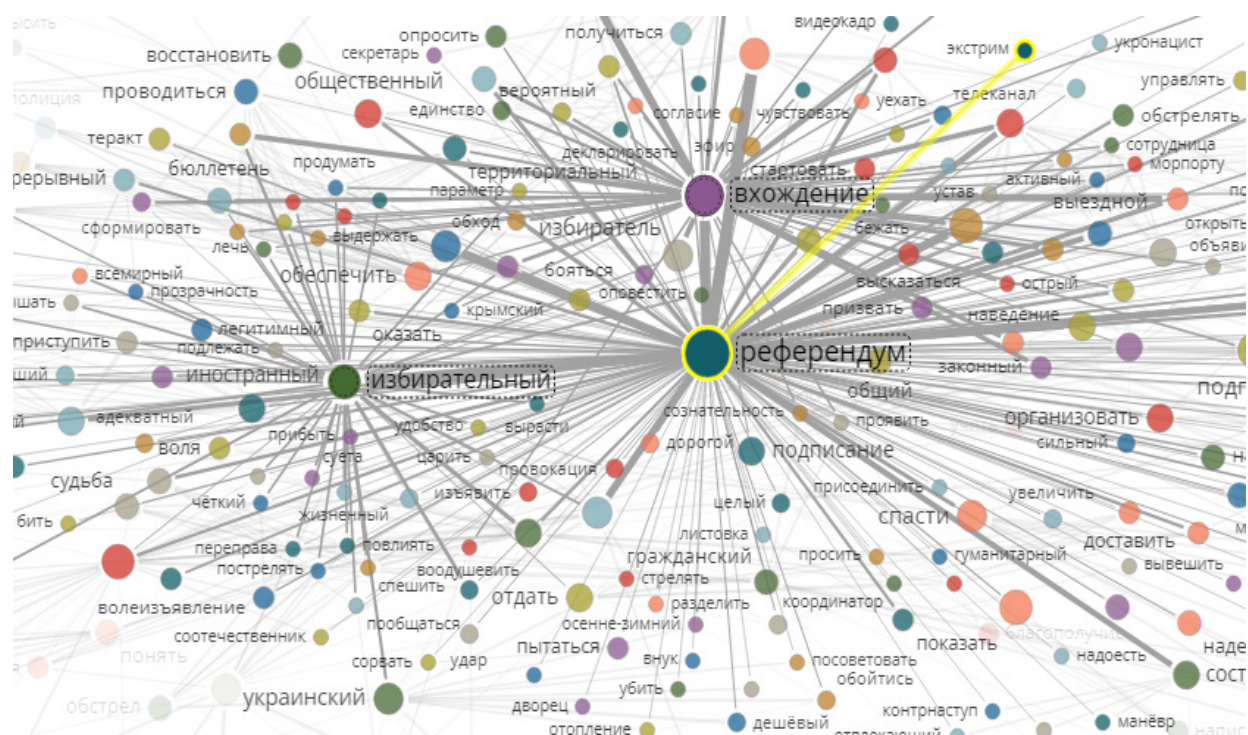

Рис. 11. Сетевая конструкция контент-единицы «референдум» в VKontakte
 Figure 11. Network structure of the content unit "referendum" in VKontakte

Сетевая конструкция контент-единицы «гуманитарная помощь».

Предположение о том, что это информационное направление, которое является заведомо позитивным и именно так должно быть представлено как в российском, так и в украинском интернет-сегменте, оказалось верным. В Telegram-каналах распространялась информация о гуманитарной помощи от Российской Федерации по предоставлению продуктов питания, товаров первой необходимости, медикаментов и медицинского оборудо-

вания. Украинская сторона конфликта представляет свое гуманитарное участие в Херсонском регионе через Facebook с освещением не собственно гуманитарной помощи, а работы созданных Украиной фондов помощи для пострадавших от «российской агрессии». Есть один значимый момент: украинская сторона, в отличие от российской, формирует образ предоставления гуманитарной помощи как следствие российской «оккупации», чем и создает негативную тональность позитивного (по своей природе) социального явления.

Сетевые конструкции Херсонского интернет-сегмента сети. Выявлено, что существует два центра информационного воздействия, посредством которых распространяется информация через создаваемые сети онлайн-сообществ, имеющие двухуровневую конструкцию. В российской сети на первом уровне – «кластере приема» – информация поступает через онлайн-сообщества «Главное в Скадовске», «Херсонская область чат», «Главное в Каховке и Новой Каховке», «Главное в Чернобаевке», «Главное в Геническе», на втором – «кластере распространения» – она распределяется по сети (по каналам «На самом деле в Херсоне», «Южный регион/Новороссия», «Администрация Херсонской области», «Типичный Херсон»). Контентная повестка российской информационной сети имеет следующие треки:

- Россия оказывает гуманитарную помощь жителям Херсонской области;
- ВСУ на Херсонском направлении терпят поражение;
- обстрел мирного населения и провокации присутствуют со стороны ВСУ;
- жители Херсонской области и города Херсон возвращаются домой в Россию.

В Facebook функционирует украинский центр информационного воздействия, контент которого вбрасывается сначала в сеть сообществ «Херсонская правда», «Херсон INFO», «Херсон как есть», «ИНФО Новини Сумщины», «Дніпровщина інформаційна», затем контент из этих каналов поступает в так называемые «периферийные» сообщества (созданные местными ЛОМами и находящиеся под контролем ЦИПСО), что и формирует «кластер периферии». Украинский информационно-сетевой центр формирует такие дискурсы, как 1) успешная деятельность ВСУ на Херсонском направлении, 2) ВСУ «освобождает территории», 3) Россия формирует негативный имидж ВСУ в международном поле.

В целом можно отметить, что украинский сегмент дискурса-поля предреперендумного и постреферендумного периодов Херсонского интернет-сегмента представляет собой некую тематическую методичку, которую можно было наблюдать и при формировании повестки нигилизации событий Крымской весны и делегитимизации референдума по воссоединению Республики Крым и города Севастополя с Россией [12].

Анализ выявленных информационных треков обоих центров сетевого управления информацией свидетельствует об использовании ими сетецентрических операций, которые охватывают:

1. Физическую сферу (обстрелы мирного населения, создание экзистенциальных рисков).
2. Информационную сферу (охват интернет-сегмента Херсонского региона с проникновением в международное медиаполе и сегменты противоположной стороны).
3. Когнитивное поле (формирование противоположных контентных структур фронта и референдума, что создает противоречивые установки в массовом сознании).
4. Социальное пространство (трансформация политической структуры региона, институтов общества).

Анализ инфраструктуры сетевых информационных центров показал, что информация в современном обществе распространяется как управляемая сеть. Центры информационного воздействия ее организуют, подготавливают аудиторию к поддержке или отрицанию определенного медиаобраза. Остановимся на некоторых особенностях создания исследуемых нами образов контент-единиц сетевыми информационными центрами. Так, фронтную повестку формируют два центра информационного воздействия – пророссийский и украинский. Трек по референдуму создавался преимущественно российской сетью с превалянием пророссийского дискурса. Кластер по оказанию гуманитарной помощи формировался обеими сторонами, но имел разновекторную когнитивную направленность.

Вместо заключения

Сегодня центры информационного воздействия являются сетевыми структурами, управляющими информационными потоками и являющимися инструментами когнитивной трансформации массового сознания, формирования в нем стереотипов, установок, образов и смыслов. Современную повестку украинского конфликта и освещение проводимой Россией СВО создают два центра информационного воздействия по принципам осуществления сетецентрических операций с применением приемов информационного превосходства.

В социальной сети Facebook функционирует центр информационного воздействия, регулируемый украинской стороной. Данный центр занимается построением негативного образа ВС РФ, когнитивного «стирания» всего русского и России в целом посредством создания дискурса делегитимизации референдума о воссоединении Херсонской области с Россией, создания «победной» и «освободительной» фронтных повесток, распространения и закрепления экзистенциальных рискогенных установок в сознании жителей Херсонской области.

Российский центр управления информационной повесткой активно работает в двух социальных сетях – ВКонтакте и Telegram. Однако есть некоторые особенности сетевой работы данного центра. В сети ВКонтакте образы ВСУ, ВС РФ, представителей политической элиты России и Украины формируются как антиподы образам, создаваемым украинской стороной в Facebook. На площадке Telegram активно работают оба центра, что говорит о ряде моментов. Во-первых, о высокой степени доверия пользователей к информации, получаемой из Telegram. Во-вторых, о присутствии аудитории, склонной получать одновременно и пророссийский, и проукраинский контент. В-третьих, Telegram является сегодня площадкой применения сетецентрических операций в информационной и когнитивной сферах.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют обоснованно предположить использование стратегии сетецентрического воздействия в рамках сегмента социальных медиа, в первую очередь сегмента Telegram, который и является пространством активного сетецентрического влияния. С одной стороны, это пространство выступает экспериментальной площадкой для апробирования новых инструментов когнитивного противостояния. С другой стороны, Telegram сегодня аккумулирует политически разновекторную аудиторию, в том числе ту ее часть, которая стремится анализировать информацию с точки зрения обеих противостоящих сторон. Фактически можно говорить о формировании интернет-аудитории, не подверженной беспрекословному информационному воздействию, а сохраняющей стремление к достижению информационной объективности и «чистоте» информационного потребления.

Приведенные данные показали некоторые попытки анализа когнитивной трансформации сознания человека с использованием сетецентрических механизмов в коммуникативном пространстве в период конфликтов. Они имеют серьезные научно-исследовательские перспективы, так как предоставляют новое теоретическое знание и позволяют апробировать его в сложных условиях гибридного противостояния, имеющего не только политическую, военную и экономическую составляющие, но и информационную и когнитивную, направленные на стирание и разрушение исторических, социальных и культурных основ социального бытия.

Библиографический список

1. Андреев Э. М. Современные процессы евразийской интеграции: актуальные проблемы исследования и практической реализации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 6. С. 186–204.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.

4. Лазарсфельд П. Ф., Кац Э. Личное влияние: Роль, которую играют люди в потоке массовых коммуникаций. Албания: Издатели транзакций, 2006. 400 с.
5. Лепский В. Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 20.04.2023).
6. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: ФОМ, 2004 (ППП Тип. Наука). 382 с.
7. Макаренко С. В. Информационное противоборство и радио-электронная борьба в сетецентрических войнах начала XXI века. СПб.: Научно-технические технологии, 2017. 546 с.
8. Манн С. Р. Теория хаоса и стратегическое мышление // Параметры (Ежеквартальный отчет Военного колледжа армии США). Осень 1992. Т. XXII. С. 54–68.
9. Тард Г. Общественное мнение и толпа / Пер. с фр.; под ред. П. С. Когана. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
10. Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Ю. Новикова. М.; СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
11. Шилова В. А., Веденин В. А. «Образ врага» в информационных войнах в контексте отношений России с Украиной, Великобританией и США в 2019 году (анализ контента политических блогеров социальной сети Twitter) // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2022. Т. 7. № 4. С. 27–66. EDN: BNXUZZ.
12. Ярмак О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 136–152. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703.
13. Cebrowski A. K., Garstka J. H. Network-Centric Warfare – Its Origin and Future // Proceedings. January 1998. Vol. 124/1/1,139. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (дата обращения: 20.04.2023).
14. Johnson J. L. Appeal to the US Naval Institute. Annapolis, Maryland, April 23, 1997. Joint vision 2010. URL: <https://www.usni.org/sites/default/files/inline-files/JV2010.PDF> (дата обращения: 20.04.2023).

Получено редакцией: 20.04.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярмак Ольга Валерьевна, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой Социально-философских наук и массовых коммуникаций, Севастопольский государственный университет

Бакулин Александр Викторович, студент 4 курса направления «Социология», Севастопольский государственный университет

Бакулин Дмитрий Викторович, студент 4 курса направления «Социология», Севастопольский государственный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7

The Phenomenon of Network-Centrism in Conditions of Modern Cognitive Opposition: On the Example of the Analysis of the Kherson Case

Olga V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5025-9112

Alexander V. Bakulin

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: bakulin-sanya2014@ya.ru

ORCID: 0009-0008-6629-9961

Dmitry V. Bakulin

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: dmitrybaku.ya.ru

ORCID: 0009-0008-1731-2859

For citation: Yarmak O. V., Bakulin A. V., Bakulin D. V. The phenomenon of network-centrism in conditions of modern cognitive opposition: on the example of the analysis of the Kherson case. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 114–135. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7; EDN: NICCCN

Abstract. The presented article discusses a new social phenomenon of network-centrism and its manifestations in the conditions of modern cognitive confrontation on the example of the analysis of the Kherson information space. This research topic is currently of particular relevance due to the introduction of new tools of network warfare in the physical, informational, cognitive and social spheres of life of individuals through the functioning of information impact centres in post-conflict societies.

Network-centrism in terms of cognitive confrontation is understood as a completely new social and civilisational phenomenon. Network-centric operations are understood by the authors as a kind of postmodern analogue of colonisation and subjugation, carried out in new conditions, in new formats and using new communication technologies. The main feature of the strategy of network wars using network-centric mechanisms is to achieve a damaging effect in all spheres of society, including its civilisational foundations. At the same time, not the power mechanisms of influence are used, but a wide range of factors – from civilisational and informational to social and cognitive ones. The analysis of network-centric operations is carried out through the prism of the classical concepts of network societies, the theory of “controlled chaos”, as well as taking into account applied domestic ones – the doctrine of the USSR Marshal N. V. Ogarkov and foreign developments – the concept of network-centric wars by Vice Admiral of the US Navy A. Cebrowski, Pentagon researcher J. Garstka and Admiral J. Johnson.

The idea of the study was to analyse the network structures of the content units of the information field of the Kherson region, that form military, crisis and post-crisis discourses.

The results obtained by the authors indicate the presence of two information impact centres that use network-centric mechanisms of work in the cognitive field. In addition, the analysis of the work of network information centres showed that today the social media segment, primarily the Telegram segment, is a space for active network-centric influence on the mass consciousness of a conflict society, that creates an experimental platform for testing new tools of cognitive confrontation and forms an Internet audience, that is exposed to direct information impact and manifestations of network centrism in society.

Keywords: network information war, network-centrism, Ukraine, Russia, Kherson region

References

1. Andreev E. M. Modern Eurasian integration processes: actual problems of research and practical implementation. *Socialno-gumanitarnye znaniya*, 2015: 6: 186–204 (in Russ.).
2. Bell D. Socialnye ramki informacionnogo obshhestva [The social framework of the information society]. In *Novaya texnokraticheskaya volna na Zapade* [The new technocratic wave in the West]. Moscow, Progress, 1986: 330–342 (in Russ.).
3. Baudrillard J. Obshhestvo potrebleniya: ego mify i struktury [Consumer society: Its Myths and Structures]. Trans. from Fr. by E. A. Samarskaya. Moscow, Respublika, Kulturnaya revolyuciya, 2006: 268 (in Russ.).

4. Lazarsfeld P. F., Katz E. Personal influence: The role that people play in the flow of mass communications. Albania, Izdateli tranzakcii, 2006: 400 (in Russ.).
5. Lepsky V. E. Stanovlenie strategicheskix subektov: postanovka problemy [Formation of strategic subjects: problem statement]. *Refleksivnye processy i upravlenie*, 2002: 2: 1: 5–23. Accessed 20. 04.2023. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm/ (in Russ.).
6. Lippman U. Public opinion. Transl. from eng. by T. V. Barchunova. Moscow, FOM, 2004: 382 (in Russ.).
7. Makarenko S. V. Information warfare and electronic warfare in network-centric wars of the beginning of the XXI century. St. Petersburg, Naukoemkie tehnologii, 2017: 546 (in Russ.).
8. Mann S. R. Teoriya xaosa i strategicheskoe myshlenie [Chaos theory in strategic thinking]. *Parameters* (Quarterly Report of the US Army War College), Fall 1992: XXII: 54–68 (in Russ.).
9. Tard G. Public Opinion and the Crowd. Transl. from Fr.; ed. by P. S. Kogan. 2nd ed. Moscow, LENAND, 2015: 200 (in Russ.).
10. Huntington S. F. Clash of Civilizations. Transl. from Eng. by Yu. Novikov. Moscow, St. Petersburg, AST, 2003: 603 (in Russ.).
11. Shilova V. A., Vedenin V. A. “The image of the enemy” in information wars in the context of Russia’s relations with Ukraine, the United Kingdom and the United States in 2019 (content analysis of political bloggers of the social network Twitter). *Kommunikatsii. Media. Disayn*, 2022: 7: 4: 27–66 (in Russ.). EDN: BNXUZZ.
12. Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkaiderova T. V., Maranchak A. G. Social paradoxes of communication in post-conflict societies. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 1: 136–152 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703.
13. Cebrowski A. K., Garstka D. Network-centric war: its origin and future. *Proceedings*, January 1998. Accessed: 20.04.2023. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future>
14. Johnson J. L. Appeal to the US Naval Institute. Annapolis, Maryland, April 23, 1997. Joint vision 2010. Accessed 20.04.2023. URL: <https://www.usni.org/sites/default/files/inline-files/JV2010.PDF>

The article was submitted on April 20, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Yarmak, Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications,
Sevastopol State University

Alexander V. Bakulin, 4th year student of the direction “Sociology”,
Sevastopol State University

Dmitry V. Bakulin, 4th year student of the direction “Sociology”,
Sevastopol State University